

Драко

Шепот судьбы

Сказка

Он родился в день,
когда Луна оросила мертвым огнем мрамор разрушенных пирамид.
Он родился в день,
когда на чёрном, бездонном небе сияли все тридцать три созвездия Власти.
Он родился в день,
когда из глубин океана Тоон поднялось невиданное существо,
трижды прокричавшее человеческим голосом слово "Горе".
Он родился ночью.

(ВЕТРЫ И ЗВЕЗДЫ. 5–я ЭПОХА.)

Истошный лай собаки захлебнулся предсмертным хрипом, за околицей злобно, с присвистом, расхохоталась ездовая гарпия. Дверь затряслась от ударов.

Я не успел даже как следует испугаться, когда сильная отцовская рука сдёрнула с меня рогожу. В полутьме его глаза казались тусклыми изумрудными звездочками.

– Погреб! – выдохнул отец. По стенам метались тени, дверь уже трещала. Вскочив, я как был, в одной рубахе, спрыгнул в холодный подвал и придержал крышку, чтобы не хлопнула. Сверху на доски бросили шкуру. Я услышал деревянный стук: мать переставила колыбель. Это задержит их ненадолго.

В углу, за бочкой, в год моего рождения был вырыт короткий лаз, тянувшийся до кустов, что росли у хлева. Внутри было грязно и сыро, паутина быстро налипла в

волосы. Интересно, кого тут ловят пауки? Я с трудом добрался до полусгнившей доски, скрывавшей выход.

Ночь, как назло, оказалась лунной, небо сияло мириадами глаз. Служители Манвэ часто приходят в такие ночи. Но мне дико повезло: они не считали десятилетнего пацана достойной добычей и взяли с собой только собак. Даже о таких, как я, иногда вспоминает удача.

Я ушел по болотам, путая следы, задыхаясь от вони, источаемой отвратительной жижей. Гнилые деревья подмигивали мне мертвыми огоньками.

Много дней и ночей провел я в глуши, питаюсь чем попадет. Поранив палец, я измазал рубаху своей кровью и бросил у логова болотной хапуги, надеясь что охотники посчитают меня мертвым. Но они, найдя рубаху, убили хапугу и вспороли ей брюхо. Две седмицы не утихали облавы, я почти потерял надежду. И все же удача меня не забыла; в глухой топи, далеко от людских троп, я обнаружил полусгнившее тело парня лет двенадцати. Возможно, его похитила обезумевшая гарпия, или раненная хапуга утащила за собой в топь... Смерть мальчишки была ужасной. Я отчаянно ему позавидовал.

Каменное рубило изуродовало плоть бедняги так, что его стало невозможно узнать. Я отрубил ему голову и подбросил труп в гнездо старого карка на краю болота.

Охотники быстро нашли останки неизвестного мальчишки. Бедный карк поплатился жизнью за моё спасение, но облавы наконец прекратились. Быть может, люди поверили в мою смерть... Охотники изредка ошибались, такое случалось и раньше. Я боялся надеяться.

Почти месяц я не решался покинуть топи. Я исхудал и осунулся, под кожей проступили ребра – но это была хоть какая-то жизнь. Со временем я наловчился питаться болотными тварями, и даже подумывал остаться здесь до лета. К счастью, первые порывы ноябрьских ветров быстро вернули мне разум.

Возвращаться в деревню я не рискнул. Меня многие знали в лицо, да и глядеть на пожарище родного дома было не очень весело. Отца и мать, я не сомневался, давно сожгли, новорожденную сестренку бросили собакам. Дрожа от холода, я пересек лес и вышел на луг, принадлежавший старому, выжившему из ума рыцарю, чей полуразрушенный замок угрюмо темнел вдали. Там меня подобрала тареги.

Я жил у них до весны. Тареги, даром что считаются бродягами без родины, все же люди, хотя разбойник или конокрад среди них каждый третий. Жизнь у тарегов не сильно отличалась от прозябания на болоте. Но тут меня кормили и пускали греться у костра. Да и били слабее, чем умел отец.

В начале марта вожак табора, пожилой хитрец Азиз, сказал что я должен уйти. Кто-то проведал о моей истинной сущности и собирался продать меня охотникам Манвэ, их внимание для тарегов было опасно. И я ушел.

Правда, недалеко. Двое сыновей Азиза поймали меня в лесу, скрутили и бросили поперек седла. Потом один из них клещами разжал мне зубы, другой перетянул язык ремешком у самого основания и, глядя мне в глаза и ухмыляясь, отрезал его загнутым ножом.

Так завершилась единственная светлая часть моей жизни.

1

И вновь судьба наградила меня единственным шансом из тысячи. Тареги старались не связываться с охотниками Манвэ, они продали меня старому знахарю, жившему в захолустном городишке на берегу реки Карнен, недалеко от гномьих Железных холмов. Звали моего нового хозяина Каэнгором, но все величали его Кайманом за хищное, острое лицо и огромный крючковатый нос.

По правде, старый Кайман только выглядел, как колдун. Последних волшебников служители Манвэ вырезали задолго до его рождения, еще во времена Войны за Восстановление. Старик был сварлив и злобен, в городе его никто не любил, однако Кайман неплохо умел лечить коров и коней, знал кучу лекарственных трав и зелий, поэтому "колдуна" терпели, как обычно в таких городках терпят юродивых или уродов. Появление у старика немого мальчишки– раба никого не встревожило.

Первые месяцы Кайман держал меня на цепи, ругаясь и плюясь, если я не сразу исполнял приказы. Постепенно, впрочем, он подобрел, убедившись что я не меньше него заинтересован в соблюдении тайны. Через полгода, в октябре, обещав страшную магическую кару при попытке сбежать, Кайман впервые позволил мне одному пойти в горы за травами. Я исполнил приказ и вернулся, поскольку жизнь рабом у сварливого старика была самой безопасной жизнью, на которую я мог надеяться.

И время остановилось. Месяц летел за месяцем, лето сменяло весну, но вокруг ничего не менялось. Лишь Кайман, дряхлая, делался ворчливей, да мне с каждым годом становилось все труднее скрывать от людей свою сущность. В этом деле немота служила хорошим подспорьем.

Пять лет промчались, как скучный сон. Я вел себя тише воды, ниже травы, тщательно избегал ссор и женщин. Жители городка быстро привыкли ко мне и замечали не чаще, чем пса, постоянно следующего за дряхлым лекарем. А я всеми силами старался выглядеть незаметным псом, и долгие годы у меня это получалось. Кабы не одиночество, страшное, постоянное, я бы даже сказал, что доволен жизнью...

Но настал день, и пытка одиночеством закончилась. В то утро меня послали к Железным холмам за травами. Когда солнце приблизилось к зениту, а жаркий летний зной повис в воздухе удушливой тучей, я услышал невдалеке жалобные стоны и звуки ударов. Стонал ребенок.

Бросившись в ту сторону, я увидел двух молодых гномов, со смехом и руганью тыкавших древками секир какое-то маленькое существо. Завидев меня, гномы остановились и с недовольством переглянулись.

Я подбежал к их жертве. Мальчик лет двенадцати, весь в синяках, лежал на земле, сжавшись от боли. Он очень походил на человека, если не считать фиолетовых перьев, украшавших его руки двумя султанами, от запястий до плеч. Лицо у мальчика было тонким, вытянутым, глаза – ярко-зелеными, с вертикальным зрачком. К счастью, враги не причинили своей жертве серьезных увечий.

Выпрямившись, я обернулся к гномам и жестами сравнил их с грязными земляными червями. Те ответили руганью и угрозами, но нападать не стали, видимо поняли, что особой доблести в этом не будет. Плюнув напоследок в сторону избитого мальчика, гномы закинули топоры на плечи и направились обратно к своим холмам.

Я опустился на колени. Перьярукий смотрел исподлобья, сквозь растрепавшиеся фиолетовые волосы. Я жестами дал ему понять, что бояться не надо. Мальчик всхлипнул.

– Я у них всего-то одну монету стянул, – пожаловался он сквозь слезы. – А мог и весь кошель! Спасибо тебе, добрый незнакомец... – он хотел встать, но поморщился от боли. – Прости, что спрашиваю, но я не ел три дня...

Его звали Алькастр, или Альк. Народ перьяруких жил далеко на востоке, их считали дикарями. Пираты часто охотились на сородичей Алька и угоняли их в рабство, так произошло и с моим новым знакомым. В наши края он попал случайно, убежав от арнорского работорговца– истерлинга, гнавшего невольничий караван на рынок Дэйла.

Альк несколько дней скитался по долине, опасаясь приближаться к людям. Лишь голод заставил его рискнуть. Увы, нравы гномов мальчику были неведомы, иначе он едва ли решился бы их обворовывать.

– А ты не умеешь говорить или не хочешь? А почему у тебя белые волосы? А что за следы у тебя на шее? Неужто от цепей? А почему... А как... – вопросы сыпались из Алька подлинным градом, пока мы шли обратно в город. Там Кайман встретил меня неприветливо, долго ворчал, что нерадивые слуги его разорят и если приводить домой всякого беглого раба, их кормить никаких денег не хватит...

Альк тихо сидел в уголке, ожидая решения своей судьбы. И тогда, к моему изумлению, Кайман не только согласился накормить мальчика, но и позволил ему остаться. Я отгородил Альку кусок сарая, где жил сам.

Получив от Каймана новую одежду – простую, зато прочную и неброскую – мальчик быстро освоился и вскоре я уже не понимал, как жил до сих пор без веселого друга. За пару месяцев Альк обучился языку немых, а лекарское дело Кайман преподавал ему даже с больше охотой, чем мне. Сметливый и находчивый мальчик раскрасил нашу однообразную жизнь новыми красками.

Вот только ему, в отличие от меня, скрывать свою расу было невозможно. Не раз и не два Альк возвращался домой в синяках, плача и недоумевая, за что в него швыряют камнями. Кайман только качал головой, а я, как мог, успокаивал друга, размышляя, что если бы люди узнали кто Я такой, одними синяками бы это не кончилось.

Однажды, когда Алька вновь поколотили сверстники, он в слезах прибежал домой и, прежде чем мы с Кайманом заметили, начисто состриг все перья со своих рук. Узнав об этом, старый лекарь пришел в ярость. Мальчик на целые сутки был посажен в погреб, а меня Кайман отправил собирать Альковы перышки, поклявшись что обратит нас обоих в червей если хоть одно перо пропадет.

– Глупый мальчишка! – бродя по двору в поисках перьев, я отлично слышал как старик отчитывает Алька в погребке. – О чем ты думал?! Как ты смел опозорить родной народ?! Посмотри на меня! Разве я стыжусь своей бороды?! Или ушей?

Альк, видимо, что-то ответил, поскольку Кайман буквально возопил:

– Дурак! Жалкая лиловая курица! Ты хочешь быть человеком?! По– твоему, если я отрежу себе... – пауза – ...это, я стану бабой?! О, светлый совет, за что ты послал мне таких болванов?!

Альк вновь возразил. Кайман ответил неожиданно спокойно:

– А ты себя с Юрми не сравнивай. Он родичей не стыдится, заруби на носу. Если Юрми откроется людям, его сожгут, вот почему он прячется. А ты хотел предать родную кровь! Не сравнивай себя с Юрми, трусишка.

Даже во дворе я услышал, как Альк расплакался. Кайман еще некоторое время ворчал, потом наконец оставил мальчика в покое и принялся за меня. В тот день я узнал много нового о старом лекаре.

После этой истории Альк изменился. Он несколько дней прятался в темных углах, стыдясь показываться на глаза без своих перьев. Урок Каймана оказался хорош: мальчик больше не робел, когда его дразнили индюшкой или петухом. Спустя пару месяцев перья вновь отрасли и Альк вернулся к нормальной жизни, а я, впервые за шесть лет, испытал к старому Кайману подлинное уважение.

Нельзя сказать, что наш хозяин был шарлатаном. Он отлично разбирался в лекарственных травах и зельях, умел врачевать раны, отводить опухоли и воспаления. Всему этому он научил и нас с Альком. Казалось, наше грядущее решено – ученики старого лекаря, будущие лекари, спокойное и тихое существование... Но люди не зря ненавидят и боятся всех, кто на них не похож. Таких, как мы, судьба редко награждает покоем.

А в нашем случае, судьба явно решила взять реванш за тысячи неудавшихся попыток.

Свою восемнадцатую ночь рождения я встречал в подвале, куда Кайман отправил меня толочь листья белоярника. Сок этого растения отвратительно пахнет, но прекрасно отгоняет грызунов от амбаров. Последние лучи Солнца, прорываясь сквозь маленькое окошко, красили потолок в пурпур, стояла поздняя осень. Довольно сильный ветер гнал по улицам городка пыль и сухие листья.

Я только насыпал белоярник в ступу и поднял пестик, как внезапно на лестнице послышались шаркающие шаги и в подвал вошел Кайман. Старик кутался в рваную красную мантию, которую надевал только по самым торжественным случаям.

– Юрми, иди сюда, – приказал он.

С радостью отложив пестик, я встал из-за стола и подбежал к старму колдуну. Кайман сморщился, почувствовав запах белоярника.

– Вымойся, – бросил он брезгливо. – Нас вызвал сам Дориан, его любимый жеребец чем-то отравился. Быстро, быстро, не заставляй меня ждать!

Дориан Кунций был начальником маленькой крепости, стоявшей на окраине городка. Весь ее гарнизон насчитывал едва ли два десятка ратников, однако это был единственный военный отряд на много миль, и Дориан справедливо считал себя самым важным человеком в округе. Видимо, и впрямь случилось что-то нехорошее, коли он снизошел до столь мелкой особы, как старый Кайман.

Поспешно раздевшись, я поднялся по лестнице и побежал за дом, где находился колодец. Пока я тер себя холодной мокрой тряпкой, старик тоже выбрался из подвала.

– Юрми, ты ленивый червяк, поскорее! – он нетерпеливо топтался на месте, пока я одевался, потом сунул мне тяжелый кожаный мешок. – Понесешь инструменты. Ну же, двигайся!

У ворот стояла запряженная мулом двуколка, где уже сидел Альк. Мне пришлось бежать рядом. К счастью, Дориан жил не очень далеко, в богатом доме, окруженным садом. Едва двуколка проехала за ограду, как навстречу гостям вышел грузный низкорослый человек в белом кафтане.

– Торопитесь, Абреку плохо, – распорядился Дориан. Поклонившись хозяину дома, мы с Альком и Кайманом поспешили к конюшне. Там, окруженный конюхами, на соломенной подстилке лежал каурый жеребец редкой красоты.

Старик сразу принялся за дело. Я скромно стоял рядом, по привычке наблюдая за лекарем и запоминая все его действия, хотя это была не первая, и даже не сотая лошадь, которую Кайман лечил за последние шесть лет. Альк жил с нами всего год, поэтому для него учение было полезней.

Однако на сей раз неудача стоила бы лекарю гораздо дороже, чем обычно, и Кайман не обращал на нас внимания. Некоторое время он суетился над хрипло дышавшим конем, но скоро даже слугам стало ясно, что дело плохо. Когда старый знахарь выпрямился, утирая со лба пот, на скулах Дориана, стоявшего рядом, заходили желваки.

– Ну? – спросил он требовательно.

– Его отравили, – Кайман развел руками. – Не знаю, чем, но яд очень сильный. Если до утра не напоить коня отваром из почек крозеаста, он издохнет.

– Так напои! – рявкнул Дориан.

Старик тяжело вздохнул.

– Сейчас октябрь, крозеаст давно оцвел. Лишь высоко в горах, у границы снегов, растет особый зимний крозеаст, он цветет осенью, но даже верхом на гарпии никто не успеет вовремя доставить снадобье.

Дориан нахмурил брови.

– Ты сможешь замедлить действие яда? Я пошлю в горы эстафету всадников.

Кайман неуверенно кивнул.

– Я постараюсь, но чем быстрее твои люди доставят лекарство, тем больше шансов... – он посмотрел на меня и встрепенулся: – Мой слуга, Юрми, знает как выглядит крозеаст. Отправь его вместе с солдатами!

– Так и сделаю, – решил Дориан. – Эй! Коня мне!

Я тяжело вздохнул. Сегодня была ночь моего рождения, и мне совсем не хотелось провести ее в седле бешено мчащейся лошади.

Только меня никто не спрашивал.

Дориан принялся за дело с размахом. Все двадцать солдат, жившие в крепости, получили по две лошади, причем в путь вместе со мной отправились лишь четверо, а остальные легкой рысью скакали следом, оставляя двоих– троих через каждые десять миль, чтобы возвращающиеся гонцы могли в нескольких местах сменить коней на свежих. Нам предстоял путь вдоль подножья Туманных гор, до старой заставы, где когда-то, много столетий назад, находились Нижние врата давно обрушившийся крепости Казад– Дум. Оттуда к перевалу вела скалистая тропа, единственная дорога, где могла пройти лошадь.

По словам Каймана, крозеаст следовало искать вдоль этой тропы, не доезжая до перевала. Так оно и оказалось – уже под утро, когда мы с солдатами, покачиваясь от усталости, вели коней вверх по тропинке, я с радостью увидел на фоне разгорающегося рассветного неба невзрачный куст. И тогда произошла одна из тех случайностей, которые потом называют подарками судьбы.

Подбежав к растению, я заметил, что несколько ветвей обломаны, а почва под кустом имеет необычно черный цвет. Прикоснувшись к земле, я вздрогнул – она была влажной. А запах отменил последние сомнения.

Подняв голову, я огляделся в поисках существа, чья кровь была здесь недавно пролита. Совсем рядом, в паре шагов, плато обрывалось глубокой трещиной, но склон не отличался особой крутизной. Пожалуй, я мог бы осторожно спуститься...

– Эй, парень! – голос солдата прервал мои размышления. – Нашел траву-то?

Обернувшись, я постарался жестами объяснить положение, однако ратники сильно устали и меньше всего их волновала история с какой-то там лужей крови. Старший срезал куст крозеаста под корень и указал мне на лошадь.

– Скачем обратно.

Я замотал головой. Солдаты угрюмо смотрели, как я пытаюсь жестами объяснить им необходимость спуститься в пропасть. Проклятие, ведь здесь, возможно,

был ранен мой сородич! Но все, чего я добился, выразил старший солдат в одной фразе:

– Кончай мозги крутить, – он взял моего коня под узцы. – Вот что, парень, мы тебя ждать не станем.

Я жестами дал понять, что они могут ехать, а я догоню их позже. Солдат смерил меня сомнительным взглядом.

– Это как же? Я тебе, стал– быть, коня оставлю, а ты с ним в бега пустишься?

Неожиданно за меня вступился другой ратник:

– Не болтай зря, Лангет. Пацан не первый год служит старому хрычу, хотел бы сбежать – так давно уж...

– Я ему коня не оставлю, – упрямо возразил Лангет. – Конь денег стоит.

Я отчаяно жестикулировал, но солдатам, видимо, надоело пререкаться. Ратник, вступившийся за меня, пожал плечами.

– Ну, тогда я с ним останусь, а вы езжайте. Мне отдых не повредит.

Лангет покачал головой.

– Хитрец... Ладно, только не задерживайтесь. К вечеру что б вернулись!

– Вернемся, вернемся... – пробормотал ратник. Солдаты один за другим направились обратно по тропе, а он устало присел на камень и с наслаждением потянулся.

– Ну, спасибо тебе, паренек, – обветренное лицо ратника тронула улыбка. – Меня Беарвегом кличут. А тебя?

Я поднял палочку и начал было выводить в пыли имя "Юрми", но Беарвег рассмеялся.

– Зря не пыхти, мы люди темные, грамоте не обученные, – он посмотрел на восток, где небо уже пылало огненными всполохами. – Хороший день будет.

Вновь переведя взгляд на меня, Беарвег кивнул в сторону пропасти.

– Ну? Лезь давай, делай что хотел.

Я кивнул и подошел к трещине. Там, внизу, величаво колыхались глубокие тени, предрасветный туман скрывал дно. Осторожно нащупывая камни, я принялся спускаться.

Трещина оказалась совсем не глубокой, всего в три человеческих роста. Но тени и туман мешали даже моим глазам. Пригнувшись, я двинулся вперед, глядя под ноги в поисках следов крови... И едва не наступил на гигантское снежно– белое крыло. Здесь запах крови был особенно сильным.

Медленно, не веря, я поднял взгляд. Птицу, бессильно лежавшую на спине, не узнал бы только слепой; но перья! Белые, как лучшее молоко, они отливали перламутровым блеском даже в слабом предутреннем свете. Я никогда не видел столь прекрасного существа. Даже не слышал, что орлы Манвэ бывают белыми.

Когда первое изумление слегка отпустило, я обратил внимание на другие детали. Орел -точнее, орлица – сильно пострадала при падении. С одного бока все её перья покраснели от крови, грудь тяжело вздымалась. Громадные, с мою ладонь размером глаза были мучительно сжаты, из ноздревых дырочек в основании клюва текла кровь. Орлица умирала, и я ничем не мог ей помочь.

"Ты можешь..." – слабый голос раздался прямо в голове. Я не удивился: мать читала мне сказки об орлах Манвэ, рассказывала как общаются эти птицы. Знала бы она, что настанет день когда ее сын будет способен разговаривать лишь с орлами...

"Чем помочь?" – спросил я мысленно, стараясь передать умирающей свое сочувствие и скорбь.

В ответ, будто молния, пришел зрительный образ: грозный пик, окруженный тучами, холодные скалы. В мгновение ока сознание орлицы пронесло меня над горами, вдоль дорог и укромных звериных тропинок, указав точный путь в самый сокровенный тайник любой птицы. Там, в гнезде, одиноко белело большое яйцо.

"Спаси" – единственная мысль была красноречивее сотен слов. Я склонил голову.

"Ты не должна мне доверять. Я не человек."

Орлица с трудом приоткрыла один глаз. Я ощутил муку и горечь, пронзившие ее разум.

"Тебе уже известен путь," – донеслась мысль. – "Сделанного не исправить."

"Не жалею о случившемся", – ответил я. – "Ты не совершила ошибки."

Дыхание птицы становилось все тише с каждым мгновением.

"Укрой его от других..." – во взгляде орлицы читалась мольба. – "Они убьют... Как меня..."

"Спрятать птенца от других орлов?!" – изумленно переспросил я.

"Да..." – ее веки сомкнулись. – "Манвэ проклял... нашу семью... запретное... воспитай моего сына!" – мысль полыхнула кровавым цветком, и клюв орлицы бессильно приоткрылся. Лишь всколыхнулся воздух, потревоженный последним вздохом гигантской птицы.

2

Я ничего не объяснил Беарвегу, когда выбрался из трещины, только покачал головой в ответ на вопрос. Мы запрыгнули на коней и пустились в обратный путь. Солдат то и дело поглядывал на меня, видимо слишком уж изменилось выражение моего лица после возвращения из пропасти. Домой вернулись под вечер.

Здесь мы узнали, что Кайман не сумел спасти Дорианову лошадь, и бедный конь отправился на звездные пастбища. Естественно, это не улучшило настроение хозяина. Старого лекаря с позором выгнали за ворота, следом полетел его мешок с инструментами. Стоя в дверях, Дориан пообещал выступить на городском собрании и объявить Каймана шарлатаном... Так или иначе, старику больше нечего было делать в этом городе.

Поздним вечером того бесконечного дня, мы с Альком помогали Кайману грузить вещи на двуколку, когда он внезапно обернулся и пристально посмотрел мне в глаза.

– Ты хочешь уйти, – сказал старик с такой уверенностью, словно читал мои мысли. – Ты вернулся с гор совсем другим. Не отрицай.

Я опустил голову. Встревоженный Альк коснулся моего плеча:

– Юрми?

– Не удивляйся, этого следовало ожидать, – спокойно ответил Кайман. – Вокруг таких, как Юрми, всегда происходят удивительные события. Было бы странно, если бы ничего не случилось...

"Друг, о чем он говорит?" – жестами спросил Альк. Мальчик здорово перепугался.

Я показал жестом, что уйду и вернусь обратно, но Кайман с кривой улыбкой покачал головой.

– Нет, Юрми, ты не вернешься, – Он вздохнул. – Вы никогда не возвращаетесь. Силой тебя удерживать нет смысла, все равно удерешь, не сегодня так через месяц... – старик скрестил на груди руки. – Я не стану тебе мешать. Но спрошу. Уверен ли ты, что хочешь все бросить?

Я покачал головой. Кайман приподнял левую бровь.

– Не уверен, но идешь?

Я кивнул. Старик долго молчал.

– Хотел бы я знать, что ты увидел... – пробормотал он наконец. Но заметив, что я начал жестикулировать, внезапно вспыхнул: – Нет! Дурак! Никогда, никому не раскрывай слов, что судьба прошептала тебе на ухо!

Оттолкнув меня от двуколки, старик еще некоторое время ворчал, перебирая вещи, затем выпрямился и протянул мне маленький кожаный мешочек.

– Держи, – буркнул Кайман. – Здесь столько же денег, сколько я заплатил за тебя шесть лет назад.

Он взял меня за левую руку, а в правую вложил кошель.

– Освобождаю тебя от службы, а себя от владения, – сухо произнес старик, не отпуская мою ладонь. – Между нами нет связи, я чужой тебе, ты мне. Любое проклятие, павшее на тебя, да не затронет меня и моих родных. Кивни в знак согласия.

Я серьезно кивнул. Кайман много знал о волшебстве, хотя сам никакими силами не обладал.

– Ну, все, – старик наконец выпустил меня и отошел к повозке. – Ты должен уйти до полуночи, и ни разу, слышишь – ни разу не оглядывайся, пока не пройдешь трижды по сто шагов от городской стены. Иначе любое проклятие, которым тебя наградят – а тебя наградят, уж поверь – обрушится на этот город.

Он бросил взгляд на растерянного Алька, стоявшего рядом.

– Возьми с собой мальчика, – глухо приказал Кайман. – Доставь домой.

– Но я... – Альк отпрянул.

Старый лекарь резко мотнул головой:

– Меня ждут нелегкие времена, – буркнул он мрачно. – Все равно не смог бы вас прокормить. Кончен разговор! Прощайте.

Поклонившись Кайману, я жестами объяснил Альку, какие вещи надо брать с собой. Мальчик выглядел растерянным и испуганным, что было легко объяснимо. Все его планы рухнули в один миг...

Кайман так и не сказал нам ни слова, пока мы собирались в дорогу. Притихший Альк первым направился к городским воротам, я шел следом. Не знаю, смотрел ли старик нам вслед. Я не оглядывался.

В ближайшей деревне мы купили охотничьи луки, теплую одежду, переметные сумки, веревки, клинья и молот для скалолазания, огниво и другие мелочи, без которых жизнь наша стала бы еще более безрадостной. Также мы купили старого осла, поскольку дорога предстояла дальняя.

Путь, указанный орлицей, вел через древний перевал и выше, в холодные горы, где люди и другие расы почти не жили. Алька я оставил на перевале, дав ему лук и наказав ждать меня не дольше недели. Дальше пошел один.

Долго и упорно карабкался почти непроходимыми тропами, лез на скалы, полз по карнизам над бездонными провалами. Два дня провел я в дороге, но все же добрался до гнезда, укрытого за острым обломком скалы.

К счастью, хищные птицы еще не успели полакомиться яйцом. Обернув драгоценный груз в теплую баранью шкуру, я немного отдохнул и пустился в обратный путь. Не стану утомлять вас его подробностями, главное – я выжил и сумел спасти орленка. Спустя четыре дня я вновь стоял на перевале, голодный, измученный, но сдержавший слово. Альк едва не задушил меня в объятиях.

– А это настоящий орел Манвз?! А он умеет говорить? А когда вылупится? Мы сможем на нем летать?! – мальчик вертелся вокруг юлой, видимо за минувшие дни он натерпелся страхов.

"Теперь я отведу тебя домой" – жестами сообщил я.

Альк опустил голову.

– Это очень далеко, Юрми. Много недель пути...

"Ничего страшного"

– А как же птенец? – возразил мальчик. – Он не вынесет такую дорогу.

"Мы не можем жить с людьми" – объяснил я. – "Особенно теперь, когда есть орленок."

Альк тихо покачал головой.

– С нашими ты тоже жить не сможешь, – сказал он едва слышно. – Мы... немногим лучше людей.

Мальчик дотронулся до моего плеча.

– Юрми, я останусь с тобой. Помогу растить орленка. Давай отыщем укромное местечко, где никто не сделает нас рабами.

Я долго смотрел в изумрудные глаза друга.

"Есть лишь одно такое место", – сказал жестами. И написал в пыли имя.

Альк содрогнулся.

– А... больше некуда?

"Орла заметят везде. И всех убьют."

Мальчик поник.

– Хорошо, Юрми, – он тяжело вздохнул. – В Мордор, так в Мордор...

И мы повернулись, и направились на северо– восток, в страну, куда по доброй воле шли только самоубийцы.

Мордор! С тех пор, как пала Серая Гавань, с тех пор как последние следы героических эпох сгорели, сметенные адамантовым пламенем Хенны, а разъяренные Валар огнем и мечом насадили повсюду свои порядки – ты пережил это, Мордор. Ты навеки остался проклятым местом. Домом для проклятых.

Добрались мы без приключений. Мордор никто не охранял – давно миновали времена, когда черные властелины собирали там армии. Уже много, много лет, в развалинах Барад– дура обитали лишь змеи да вороны, пожирившие змей. Люди, орки, гномы – все народы Средиземья бежали еще от границ Мордора, с тех пор как проклятие Валар обрекло эту землю на вечное бесплодие. Там не рождались дети, не

плодился скот. А если уж плодился, то порождал таких чудовищ, рядом с которыми меркли все описанные в легендах...

Мне оставалось надеяться лишь, что проклятие Валар не подействует на орленка. Ведь вороны и грифы прекрасно чувствовали себя в Мордоре. Забегая вперед, скажу, что я ошибся, и проклятие действовало на орлов; однако птенец вылупился незадолго до того, как мы пересекли границы Мордора, и избежал горькой судьбы других детей, рождавшихся на проклятой земле чудовищными уродами.

Да, он вылупился! Вопреки судьбе, вопреки воле самого Манвэ, птенец вылупился здоровым и сильным. Я дал ему имя Соран, что на древнем языке моих предков значило "Орел".

Соран родился в сером пуху, голодным и крикливым. Я смастерил нам хижину под нависшим обломком стены Барад Дура, а Альк загодя изловил несколько десятков змей, поскольку мы знали, как прожорливы все птенцы. Однако орленок отличался от других птиц.

Он ел редко и помногу. Иногда он целыми днями сидел, нахохлившись, в своем гнездышке из бараньей шкуры, и молча наблюдал как мы с Альком стараемся вдохнуть жизнь в мертвую землю Мордора. Я не раз пробовал мысленно говорить с птенцом, но орленок был слишком юн и ничего не понимал.

Жилось нам не очень весело. Я каждый день уходил на охоту, добывал змей, грифов или мелких грызунов, Альк ловил рыбу в мутном озере у подножия погасшего Ородруина. Большая часть семян, которыми мы засеяли с трудом вспаханный клочок земли, так и не возшла, а из оставшихся выросли чудовищно уродливые, искаженные растения, на них даже смотреть было больно. Однако почти все семена этих уродов оказались жизнеспособны, и спустя полгода у нас с Альком появился грубый и невкусный, зато съедобный хлеб.

Весной, устав от однообразной пищи, я решил сделать вылазку за пределы Мордора, наказав Альку присматривать за орленком. На последние Каймановы деньги купил двух коз и овцу, нагрузил их тюками с овсом и ячменем. А вернувшись, обнаружил что Альк не терял зря времени и построил из камней неплохой домик для Сорана. Заметно подросший орленок бегал по пустыне, гоняясь за ящерицами.

С этого дня нам стало немного легче. Овцу пришлось забить, но уродливая, отравленная земля Мордора все же давала жизнь кое-какой растительности, так что козы приспособились и выжили. Их молоко приятно разнообразило наш рацион.

Соран быстро рос и уже начинал учиться "говорить". Причем и я, и Альк с одинаковой легкостью улавливали эти попытки. Серый пух давно исчез, теперь орленок – он был уже с гуся размером – щеголял снежно-белыми блестящими перьями. Хотя охотники при мне не раз говорили, что птицу невозможно научить любить, отношение Сорана к нам трудно было назвать иначе. Ночами он часто подбирался к нашей хижине, залезал на грудь мне или Альку и пушистил перышки, довольный и счастливый. Он любил играть, как щенок, а соображал гораздо лучше любого ребенка его возраста. Спустя полтора года, сидя, орленок уже достигал мне до пояса, а размах его крыльев превышал мой рост. К этому времени он окончательно освоил мыслеречь.

Жизнь неторопливо текла своим чередом. Альк всерьез увлекся творчеством и целыми днями пропадал у подножия Ородруина, пытаясь высечь каменное изваяние Сорана, я тренировался в стрельбе из лука. Нас никто не тревожил и ничто не предвещало грозы. Увы – нет лучшего грозового знамения, чем покой и тишина.

В начале осени, когда Сорану уже исполнилось два года, он напугал меня до полусмерти. В тот день я с утра отправился на охоту. Вернулся днем, со связкой тушканчиков. Альк, как обычно, колдовал над своей скульптурой, орленок сидел на крыше хижины, зажмурив яркие глазки и полностью расправив крылья. Что-то в его позе меня насторожило.

"Ты здоров?" – спросил я. Соран содрогнулся и открыл глаза, посмотрев на меня так, словно раньше никогда не видел.

"Юрми..." – он по-птичьи наклонил голову и распушил воротник перьев. – "Мою маму звали Калима?"

Застыв на месте, я поднял взгляд. Соран явно был испуган.

"Мне неведомо имя твоей матери", – сказал я после долгой паузы. – "Ты ведь знаешь, как все было."

"Я видел ее!" – отозвался орленок. В мыслеголосе отчетливо читались возбуждение и тревога. – "Я видел ее! Или... Вспомнил... Она была белая– белая! С карими глазами..."

Содрогнувшись, я опустился на камень. Глаза орлицы и в самом деле были карими, в отличие от ярко– синих очей ее сына, но я никогда не говорил этого Сорану. Возможно ли? Неужто орлы способны передавать детям свою память?!

"Да, ее перья сверкали белизной", – сказал я. – "Прости, но больше я ничего о ней не знаю".

Орленок нервно переступил с ноги на ногу.

"А отец? Ты знал его? Я помню серого орла, громадного, впятеро больше меня! Он часто приносил в гнездо вкусные ломтики мяса и угощал меня... То есть не меня, а маму... Помню, мы жили высоко в небе. Облака!" – Соран внезапно вскинул голову и широко раскрыл глаза. – "Облака были внизу!"

"Верно", – ответил я. – "Раньше твои родители жили высоко в горах, выше облаков. Но ты не можешь это помнить, тебя тогда еще не было."

Орленок задумчиво кивнул.

"Я понимаю, Юрми. Но я вижу их, как тебя. Вижу мать..." – он вздрогнул. – "И отца... Всегда отдельно, то отца -то маму. Наверно, это не я их вижу, а они видят друг друга. Не знаю, как объяснить..."

Я улыбнулся.

"Не надо объяснять. Пошли мне образ, дай взглянуть на то, что видишь."

"Как это?!" – растерялся Соран.

Я подался вперед:

"Твоя мать таким способом указала мне путь к гнезду, где я нашел тебя. Ты должен вспомнить."

Но в тот день орленок так и не вспомнил. Еще много недель память родителей возвращалась к нему по капле, это было и жутко, и занимательно – наблюдать, как молодой орел обретает личность. Чем больше он вспоминал, тем сильнее менялся его характер. Спустя три месяца, в декабре, Соран уже ничем не походил на невинного птенца, которого растили мы с Альком.

Теперь рядом с нами жил юный орел, мудрый и благородный, как полагается его племени. Он помнил почти все, что знали его родители, и даже кое– что из памяти их предков.

С тех пор, как Соран научился передавать мысленные картины, наша жизнь в пустыне полностью изменилась. Теперь большую часть времени мы вместе с могучими орлами парили в небесах, глядели на мир с высоты птичьего полета. По сравнению с памятью Сорана, наша реальная жизнь была тусклой и жалкой. Немудрено, что воспоминания орленка поглотили меня и Алька даже сильнее, чем его самого.

Я узнал вещи, о которых едва ли ведали смертные и бессмертные жители Арды. Вместе с матерью Сорана, благородной Калимой – что значит "Яркая" – мы парили в лучах вечного Солнца, проносились над неведомыми долинами и застывшими водопадами льда. Я видел гробницу Эола! Крылом к крылу с другими орлами мы ныряли во тьму подгорных пещер и охотились на летучих мышей размером с ослифанта, мы купались в источниках белой воды, что истекает из– под самых корней земли и несет крупинки истинного серебра... Я стал наполовину орлом, этим наградил меня Соран.

Но и мы, бескрылые, одарили орленка новыми знаниями. Соран часто просил меня – а еще чаще, Алька – вспомнить тот или иной эпизод жизни, и внимал нашей памяти, размышляя о неведомых материях. Время летело на крыльях орлов, четыре года промчались как четыре дня. За эти годы мы прожили интересную, яркую жизнь и узнали о мире больше, чем когда– либо хотели.

Альк изменился больше всех. Из нас троих, перьерукий обладал наименьшим сроком жизни, потому и вырослел быстрее. К восемнадцати годам Альк стал искусным молодым зодчим, творившим подлинные чудеса с помощью молота и рубила. Его совсем не угнетала скучная жизнь в пустыне, напротив – казалось, юноша наслаждается миром и покоем. Хотя, если вспомнить, каким было его детство...

И все же мы понимали, что долго так продолжаться не может. Альку и Сорану предстояло найти подруг жизни, мне до этого рубежа еще оставалось много лет, однако даже меня начинало тревожить столь длительное затишье. Хуже всех изгнание переносил орел.

Соран легко научился летать. Хотя мы не могли, подобно родителям, учить его на своем примере, память о полетах была слишком яркой, и юный орел всего за месяц завоевал небо. В шесть лет Соран уже достиг размеров взрослой птицы – в полтора раза крупнее любого коня. И хотя для орлов, живших веками, шестилетний возраст значил не более нескольких мгновений, мудрость и жизненный опыт родителей сделали орленка по-настоящему взрослым. Когда на рассвете он взмывал в пламенеющее небо и садился на острый обломок башни, где некогда жил Саурон, его гордый силуэт слал немую угрозу всем, кто обрек нас на изгнание.

Каждое утро я просыпался рядом с могучим, мудрым существом и гадал, почему Соран до сих пор нас не покинул. Ведь от настоящих родителей птенцы улетали уже в пятилетнем возрасте, а Сорану скоро должно было исполниться семь. Однажды я спросил его об этом.

Орленок посмотрел на меня очень странно.

"Мы братья," – он ответил спокойной мыслью. – "Больше, чем братья. У нас одна судьба и один путь. Я еще слишком молод, чтобы отправиться в этот путь, но время идет, брат. Скоро."

"Куда ведет твой путь?" – спросил я после паузы. Соран накрыл меня крылом и нежно привлек к себе.

"Наш путь, брат," – отозвался он тихо. – "И мне не ведомо, куда он ведет. Знаю лишь, что мы выжили вопреки стараниям всего мира, а так не бывает."

Я улыбнулся.

"Судьба?"

"Судьба тут ни причем," – коротко ответил орел. – "Просто я знаю, из-за чего мои родители были прокляты."

Он поднял голову и посмотрел на запад, прищурился, крепко сжав могучий клюв.

"Там тоже знают", – в мыслях Сорана отразился скрытый гнев.

Будто отвечая орлу, далеко впереди, над руинами Кирит Унгола, сверкнула одинокая молния.

Еще год провели мы в пустыне, прежде чем орленок достаточно возмужал. К концу срока изгнания, Соран уже великолепно летал и не раз носил нас по небу. По его совету я начал обучать Алька мастерству стрельбы из лука, хотя юноша явно не стремился стать воином.

Был май, прекрасная солнечная погода, когда орел расправил могучие крылья и сказал: "В путь". Сборы отняли немного времени. Мы взмыли в чистое синее небо и понеслись на юго– восток, обратно к Туманным горам. Где-то там, в укромном тайнике, известном лишь отцу Сорана, хранилось нечто, погубившее семью орленка.

Мы мчались над мирными селами и городами, сквозь грозовые тучи, навстречу неведомой судьбе. Впереди высились горные пики. Соран летел так уверенно, словно всю жизнь провел здесь, в родных краях. Альк весело смеялся, всю наслаждаясь долгожданными приключениями, а я... Мною овладело странное безразличие.

Это чувство и раньше посещало меня в минуты душевной тревоги, и с каждым годом в пустыне оно все усиливалось. Я часто ловил себя на мысли, что абсолютно не воспринимаю окружающий мир – своим. Я будто смотрел издали, сквозь дымчатое стекло. Возможно, причиной этому явился мой побратим– орел, или я просто вырослел, но в самой глубине души, в сердце, я мечтал УЙТИ.

Объяснить это невозможно. Даже Альк, мой верный друг, меня не понимал. Он жил полной жизнью, мечтал и жаждал приключений, он – как и юный орел – мчался на бой со всем миром, ничуть не сомневаясь что победит. А я... Я был их побратимом, я спас их обоих и многому научил. Но я не чувствовал того жидкого огня, что струился по жилам Алька и Сорана. Мир, с которым они сражались, не был моим.

Я хорошо знал, как называется эта апатия и куда она ведет. Все мои сородичи рано или поздно ощущали ЭТО. Да, мы гордо называли себя "Невозжелавшими". Да, после атаки принца Форве на Валинор, рабы Манвэ считали нас еретиками и истребляли хуже, чем орков. Да, чертоги Мандоса закрылись навсегда – но Запад по–

прежнему влек нас, и сопротивляться зову было непросто. Думаю, Соран чувствовал мое настроение. Хотя едва ли понимал.

Альк, напротив, ничего не подозревал и наслаждался полетом. За годы в пустыне он ни разу не стриг волос, и сейчас они развевались по ветру, как языки фиолетового пламени. Раскинув пернатые руки, юноша мчался навстречу судьбе. Его влекла жизнь...

"Не грусти," – мысль орла нарушила меланхолию. Улыбнувшись, я потрепал его перья.

"Это не грусть."

"Я знаю, но сейчас не время."

"Никто не знает, когда придет его время," – отозвался я мрачно. Соран повернул голову.

"Ты шутишь или не выспался?"

Я рассмеялся.

"Не бери в голову, брат. Лучше умерь скорость, как бы не пролететь мимо."

"Я не промахнусь", – уверенно заявил орленок. – "Видишь ледник, там, на склоне?"

"Где?" – я подался вперед.

"Прямо по курсу! Еще миль сорок!"

Губы мои невольно расплылись в улыбке.

"У меня же нет орлиных глаз."

"А– а– а..." – Соран смущенно опустил голову. – "Извини..."

– Юрми, вы опять секретничаете? – Альк ущипнул меня сзади. – А как же я?

Сконфуженный орел принялся объяснять ему содержание разговора, а я вгляделся вперед. Что нас там ожидало?..

Тайник нашли быстро. Это был стальной сундук, прибитый клиньями к обломку скалы под нависшим языком ледника. Клеймо на крышке ни о чем мне не говорило, Альк тоже не знал подобного символа. Мы с трудом вытащили сундук на открытое место и я взломал крышку.

Внутри лежала толстая, короткая трубка из истинного серебра. Отломив восковую печать на торце, я вытащил прекрасно сохранившийся свиток пурпурного пергамента. Пока мы читали вступление, орленок возбужденно топтался рядом.

"Нашедший сие, коли жизнь и душа дороги тебе, вложи свиток обратно и забудь к нему путь. Иначе знай: ты держишь в руках последнее слово Дорри Черного, сына Наугрима, сына Алатара. Я добровольно ухожу к Дьюрину, не желая жить со знанием, изложенным здесь, но я не в силах уйти вместе со знанием. Помни, незнакомец: то, что прочтешь ты далее, погубило меня. Я верю, что ты бессмертен, ибо я попрошу орлов отнести сей свиток в место, недоступное смертным, и наложу на него заклятие. Молю: обдумай свои поступки, бессмертный. От себя не спасись..."

Я поднял голову и встретился взглядом с Альком.

– Читаем дальше? – спросил он негромко.

"Конечно читаем!" – встрял Соран. – "Юрми, продолжай!"

Я медлил.

"Дорри Черный был один из последних истинных волшебников. Переведи это Альку."

"И зачем?" – недовольно спросил орел.

"Альк не бессмертен!" – я отправил Сорану эмоцию гнева. – "Для него этот свиток может быть опасным!"

Орленок кивнул и повернул голову к юноше. Тот выслушал очень внимательно.

– Юрми, я рискну, – сразу сказал Альк, едва Соран "умолк". – Все равно я теперь не смогу жить, не узнав что там написано.

"Ты дурак!" – жестами сообщил я.

Альк весело улыбнулся.

– А нечего было дразнить!

"Читай, Юрми" – вставил орел. – "Мы ведь все равно не утерпим..."

Я тяжело вздохнул.

"Потом не говорите, что вас не предупреждали."

Орленок накрыл меня крылом, другим притянул Алька поближе, и мы все вместе прочли свиток до конца.

Дорри Черный, сын Наугрима, сына Алатара, не солгал. Мало кто решился бы жить, зная то, что узнали мы.

"Отец и мать не ведали о содержании свитка..." – мысленно прошептал орел, когда все немного пришли в себя. Когти Сорана сжались в гневном жесте. – "Их убили просто так, из опаски!"

"Теперь охоту откроют на нас", - заметил я.

Соран вскинул голову и издал яростный клекот.

"Пусть прилетают!"

– О чем вы говорите? – нервно спросил Альк. Он был бледен.

Орленок коротко пересказал нашу беседу. Юноша вздрогнул.

– Соран, Юрми... Но это же ерунда! Страшилка, сказка для детей! – он замотал головой. – Что за Прямой Путь? Почему, если сделать как тут сказано, Арда должна разделиться? Это же... глупо! – отчаяно крикнул Альк. – Как может разделиться весь мир?!

Орленок крепче обнял его крылом и что-то беззвучно ответил. Альк еще яростнее замотал головой.

– Не верю! Мир не состоит из энергии! Вот! – он зачерпнул горсть снега и гневно сунул его под клюв Сорану. – Где тут энергия?! Просто снег! Энергия – это когда... Ну... Вот пока Ородруин еще не погас, там была энергия!

"Соран, передай ему все, что я скажу" – попросил я мысленно. Орленок нехотя кивнул.

"Альк, слушай внимательно. Слушаешь?"

Юноша вскинул глаза, в них стояли слезы. Я отвел взгляд.

"Мир не так прост, каким кажется. Арда, Валинор, все сущее – лишь островки в море бесконечного пламени. Тысячи лет назад, маленький– маленький кусочек этого пламени случайно обрел разум и сотворил все, что мы знаем. Илуватар, Эру, слышал имена?"

– Слышал, – буркнул Альк. – Ну и что? Если ты скажешь такое любому охотнику Манвэ тебя самого сделают частичкой пламени!

"Не обижай побратима," – наставительно заметил Соран.

Альк вскинулся:

– Ты, вылупившийся на моих глазах! Ты меня учить собрался?!

"Еще как," – невозмутимо заявил орел. – "Я-то понял все о чем писал Дорри. И Юрми понял. А ты делаешь вид, словно дурак – вот и не обижайся, коли за дурака примут!"

Альк стиснул зубы.

– Хорошо. Поговорим серьезно, – он ткнул пальцем в свиток. – Почему я должен верить этому Дорри? С чего он взял, что разгадал сущность Эру?

"А там все написано," – парировал Соран. – "Дорри знал, как появился Великий Орлангур, знал срок, потребовавшийся Золотому Дракону для осознания себя, знал результат сражения едва– едва родившегося духа с могущественнейшими из Валар, и рассчитал необходимую энергию. Орлангур и Эру – существа одного вида. Мне его вычисления кажутся весьма убедительными!"

– Допустим, – Альк упрямо скрестил на груди руки. – Но дальше он пишет, что... – юноша поднял пергамент и прочитал вслух: – "...можно создать миниатюрную флюктуацию в Предвечном пламени, это вызовет турбулентное завихрение потока вокруг препятствия и породит резонансное колебание, которое станет само себя поддерживать", – отложив свиток, Альк воззрился на орленка. – Только не хвастай, будто понимаешь смысл этой фразы!

"Конечно понимаю," – Соран излучил веселость. – "Это знает любой крылатый, хоть раз видевший смерч. Дорри говорит о камешке – маленьком камешке, который, будучи брошенным в текущую воду, порождает водоворот."

Он распростер левое крыло над снегом, резко опустил его и поднял. Завихрение воздуха потянуло следом за крылом несколько маленьких воронок, снежная пыль разлетелась в стороны.

"Дорри пишет, что резонансное колебание внутри Предвечного пламени может нарушить тончайшее равновесие, в котором пребывает разум Эру, и он попросту растворится – перестанет существовать," – очень серьезно сказал орел. – "Это шанс для всех нас, даже для Валар, обрести наконец свободу."

– Какую свободу?! – Альк схватил побратима за крыло. – А если вместе с Эру погибнет и все, что он создал?!

"Соран, передай ему!" – я подался вперед. – "Альк, Арда не может погибнуть, она материальна. Это островок, плывущий в потоке Предвечного пламени. Колебание породит небольшую волну, Дорри рассчитал даже сколько времени продлится эффект. Мы просто ничего не заметим – а воля, державшая всех нас в цепях, погубившая Нуменор, превратившая наш прекрасный мир в очаг непрерывной войны – эта преступная воля исчезнет навсегда!"

Орленок передал слова Альку и обернул ко мне голову:

"Я еще добавил, что нет более достойного подвига, если смертный, самый слабый из творений Эру, победит создателя, доказав всем свое право на свободу!"

"Молодец," – я потрепал его по крылу. – "Хорошо сказано."

Но Альк мрачно мотнул головой.

– В этом деле я вам не помощник. Соран, отнеси меня вниз, в долину. Я поеду в Гондор и стану скульптором. Буду жить, как полагается смертному.

Измученный орленок моргнул и что-то сказал побратиму. В ответ, тот неожиданно вскочил и с силой топнул ногой:

– Не хочу! Я не хочу вас бросать! Это вы... – он запнулся и пару мгновений не мог говорить. – Ну зачем вам это?! Мы же прекрасно жили в пустыне, никому не мешали! Думаете, если вы совершите свой "подвиг"... – он пнул пергамент – ...вам за это "спасибо" скажут?!

"Нас сожгут" – ответил я жестом.

Альк, сглотнув, уставился на меня.

– Юрми... – взмолился он. – Ты же эльф. Ты самый спокойный из нас, эльфы никогда не спешат. Ну скажи, ЗАЧЕМ вам это надо? Тебе мешает Эру? Или тебе?! – он обернулся к орлу.

"Знаешь, мои родители тоже спокойно жили и никому не мешали," – сурово ответил Соран. В его глазах мерцал недобрый огонек. – "И родители Юрми. И наши дети, если мы успеем их завести – они будут недоумевать, за что весь мир ненавидит их отцов!"

Альк поник.

– Но ведь должен быть иной путь... – прошептал он едва слышно. – Зачем уничтожать? Зачем нести смерть? Одумайтесь, вы же не люди! Почему для вас нет иной дороги?!

"Укажи!" – я резко шагнул вперед. – "Укажи нам дорогу!"

– Я не знаю! – крикнул Альк. – Я не знаю верного пути! Мне ясно лишь, что ваш путь неверен!

Он схватил меня за руки.

– Юрми, так нельзя. Только не так. Это же чудовищно глупо! Как мы смеем называть себя разумными существами, если не видим ни одного выхода кроме звериного?!

Альк обратил блестящие от слез глаза к Сорану.

– Вцепиться в горло, убить любого, кто стоит на пути – так делает зверь. Зверь! А мы не звери, мы не должны убивать!

Орленок грозно приоткрыл клюв.

"Ты слышал о Нуменоре?" – спросил он с такой яростью, что даже я вздрогнул.

Альк с трудом кивнул.

"Ответь: как назвать того, кто уничтожил Нуменор? Разумным? А? Разумным?!" – Соран смотрел на побратима с высоты своего роста. – "Я тебе скажу, как! Тех, кто истребляет народы, мы зовем чудовищами! И не смей оскорблять зверей сравнением!"

Он расправил крылья и схватил Алька громадной лапой за телогрейку. Я вскочил:

"Соран, не надо!"

"Не бойся, я просто отнесу его в долину и оставлю там," – все еще гневно отозвался орленок. – "Потом мы за ним вернемся. Может быть."

– Юрми! – испуганный Альк пытался вырваться. Соран что-то сказал ему и, прежде чем юноша ответил, рванулся в небо, взвихрив за собой снежную пыль. Крик Алька быстро пропал вдали.

4

Соран не возвращался целую вечность. Я нервно ходил по снегу, пару раз перечитал пергамент. Дорри, очевидно, был очень мудрым гномом, но даже его воля не выдержала подобного знания. А мы? Разве мы лучше? Мудрец, вникнувший в самые сокровенные тайны мироздания, не счел себя вправе перейти к действиям. Мы же всего лишь юнцы, дети трех незначительных народов, обученные полубезумным стариком и насмотревшиеся памяти орлов. Только час миновал с тех пор, как мы узнали секрет Дорри, а многолетняя дружба уже дала трещину... О, Элберет, что если мы и в самом деле не достойны? Что, если в стремлении к мнимой свободе, мы уничтожим нечто стократ более мудрое и лучшее, чем мы сами?!

Сомнения грызли меня подобно пожирателям гор. Ко времени, когда вдали показался Соран, я уже не был уверен, что с радостью приму его план. Но судьба подготовила мне гораздо более страшное испытание.

Орленок летел, как-то странно припадая на левый бок, будто одно из его крыльев работало хуже. Дурное предчувствие кольнуло меня задолго до того, как Соран приземлился. И чем ближе он подлетал, тем это чувство становилось сильнее.

Наконец, орленок с шумом опустился на снег. Я бросился к нему... И понял все, увидев две стрелы, торчавшие из– под белых перьев.

"Нет..." – покачнувшись, я закрыл глаза. – "Скажи, что это был не Альк. Скажи!"

Соран тяжело дышал.

"Он выстрелил мне в спину," – орленок повернул голову, недоверчиво глядя на стрелы. – "Он выстрелил мне в спину! Я оставил его у перевала, а он выстрелил мне в спину!"

Я опустился на снег.

"Как же так..."

"Он кричал, что не позволит нам совершить ошибку", – глухо отозвался Соран.
– "Он хотел убить меня, Юрми. А я считал его братом."

"Где он сейчас?" – спросил я, заранее содрогнувшись.

Орел покачал головой

"Нет. Я его не тронул. Просто улетел." – Соран обратил ко мне яркие синие глаза. – "Я не такой, как он. А ты?" – он наклонил голову. – "Ты бы выстрелил мне в спину?"

Подняв взгляд, я посмотрел на орленка. Он ждал.

"Не знаю," – сказал я наконец. И лишь одной Элберет ведомо, чего мне это стоило.

Соран легонько вздрогнул.

"Почему?" – только и спросил он.

"Если бы я столь же сильно верил, что спасаю весь мир..." – я зажмурился. – "Не заставляй меня думать об этом, брат."

Орленок долго молчал. Затем мотнул головой в сторону:

"Помоги вытащить стрелы."

Потом мы долго сидели, глядя на алые точки в снегу.

"Дай мне образ," – сказал наконец орел. – "Все свои сомнения, все страхи. Прежде, чем принять решение, я должен знать: ты выстрелишь или нет."

Меня передернуло. Но Соран был прав. Собравшись с мыслями, я отправил орленку яркую картину, где высказал все, о чем размышлял пока его не было. Пернатый зажмурился.

"Ты и в самом деле так думаешь, Юрми?"

"Меня грызут сомнения."

"Но почему? Разве не о свободе мечтали мы вечерами, вспоминая как наших предков унижали и убивали? Разве не грезили, как врываемся в замки врагов, неся им отмщение?!" – в мыслях орленка ясно угадывалось отчаяние.

Я придвинулся ближе и обнял побратима за могучую шею.

"Ты прав," – сказал как можно ласковей. – "И мечты наши никуда не исчезли. Просто я не уверен, что путь, открывшийся здесь, ведет к цели."

"Другого шанса у нас не будет," – глухо возразил Соран. – "Конечно, я тоже хотел бы решить все как в сказке. Рраз – и Эру из тирана превращается в доброго творца, два – и Валар вместо смерти несут просвещение... Да только знаешь где они, эти сказки?!" – орел гневно дернул здоровым крылом. – "В Алой книге!"

Он вскочил на ноги, распушив жемчужные перья.

"Садись мне на спину, брат! Гони прочь сомнения!"

Я медленно покачал головой. Орленок сник.

"Юрми?" – спросил он робко.

"Прости," – я опустил голову. – "Это твой путь. Не мой."

Соран покачнулся. Сейчас он вновь выглядел беспомощным птенцом, а ведь он и был всего лишь птенцом – сиротой, которого взрастили, а затем предали двое других сирот.

"Брат, не бросай меня," – тихо попросил громадный орел.

В ответ я собрался с силами и отправил ему самый яркий образ, который когда-либо создавал. Ноги Сорана подкосились, он бессильно рухнул на снег.

"Но... но..." – отчаяние захлестнуло его с головой. – "Почему?! У нас же есть шанс... Впервые есть шанс! Принести всем свободу! Навек!"

"От себя не убежишь", – грустно ответил я. – "Мой путь окончен здесь, брат. Теперь я понимаю, что шепнула мне судьба в тот далекий день."

Наклонившись вперед, я ласково погладил свою белую птицу.

"До встречи с твоей матерью я жил как растение. Выжить, по возможности с комфортом – больше никаких мыслей мне не являлось. Потом я встретил орла Манвэ... И увидел свой путь. Но только сейчас я понял, Соран, что уже прошел его до конца. Я спас тебя и Алька, помог вам вырасти. И чем старше вы становились, тем сильнее влек меня Запад. Ты ведь знаешь, когда мои сородичи уходят за море?"

"Когда чувствуют, что их земной путь окончен," – тихо сказал орел. Я улыбнулся.

"Раньше это казалось мне глупыми людскими сказочками, дикарским суеверием. Пока не испытал на себе..."

Подняв голову, я оглядел изумительный мир, окружавший меня. Далеко внизу, скрывая землю, мчались облака, снег сверкал так, будто горы были усыпаны звездами.

Слепящее солнце купалось в ультрамарине, играя мириадами отблесков на перьях моего побратима.

"Это твой мир, крылатый," – сказал я мысленно. – "Тебе за него биться."

Соран молчал целую вечность.

"Не делай этого, брат. Не сдавайся. Ты ведь совсем молод, впереди столько интересного!" – орел легонько дрожал. – "Не стреляй мне в спину..."

"Я не смогу", – ответил я тихо. – "Прости. Я не могу остановить тебя, и не смею идти за тобой. У всех должна быть родина, которую следует защищать. Ты теперь знаешь, как оборонять свою. Позволь же и мне вернуться домой."

Орленок опустил голову.

"Я отнесу тебя на берег. Там всегда ждут... Корабли..."

"И будут ждать, пока в Арде остаётся хоть один эльф," – улыбнулся я. – "А когда нас не останется вовсе... Возможно, тогда и пригодится этот свиток", – я кивнул на пергамент.

Соран проследил мой жест.

"Я не стану ждать," – сказал он серьезно. – "Прости."

"Это твой мир и твое право," – спокойно ответил я.

Альк сидел на земле, обхватив себя за плечи. Длинные волосы скрывали его лицо, но мне не требовалось видеть слезы, чтобы ощутить бездонную пропасть, где бился сейчас разум моего друга. Услышав свист крыльев, Альк судорожно дернулся и поднял голову. Орленок опустился на камни в десяти шагах от бывшего побратима.

– Соран? – дрожащим голосом спросил Альк. – Вы передумали?

"Нет," – жестко бросил орел. – "Юрми хотел проститься."

Юноша перевел взгляд на меня. Я долго не шевелился, вспоминая, сколько светлого и доброго было в нашей жизни. Сколько дружбы и верности... Видимо, Альк догадался о моем настроении.

– Я не хотел, – взмолился он. – Юрми, я не хотел стрелять! На меня что-то нашло. Мне показалось... Я увидел горящие города, я видел матерей, чьи дети пылали, как факелы, под пламенем с небес!

"Браво!" – гневно бросил орленок. – "Добро пожаловать в Нуменор!"

Альк судорожно замотал головой.

– Нет! Нет... Просто я подумал, всего на миг... А если Эру не погибнет? – Юноша вскочил. – Если он сойдет с ума?!

Соран излучил ядовитую насмешку.

"Куда уж дальше..."

– Как ты не понимаешь?! – Альк подбежал к орленку, но замер, увидев красные пятна на перьях. Содрогнулся. – Небо, что же я натворил... Соран... Друг, прости меня! Прости, пожалуйста! Я испугался. Я и сейчас боюсь, страшно боюсь... Я не хотел... – по щекам Алька текли слезы. Орленок гневно фыркнул и обернул ко мне голову:

"Ну, простился?"

"Да," – сказал я. На сердце лежал камень. – "Передай, что, даже покинув Арду, я никогда его не забуду."

В мыслях Сорана мелькнула грусть.

"Забудешь, Юрми", – шепнул он со странной уверенностью, – "Забудешь..." – обернувшись к бывшему побратиму, орленок что-то беззвучно сказал, а затем расправил могучие крылья, оставив плачущего Алька смотреть нам вслед. Чувствуя, как встречный ветер цепляется за волосы, я зажмурился.

Последние слова Сорана не выходили из головы.

"Только не обижайся," – в ответ на мысль грустно отозвался орленок. – "Но кто мы для бессмертных? Всего лишь пылинки на обочине бесконечной дороги. Пройдет век, другой, и память растворится в ворохе новых впечатлений..."

"Я никогда не забуду вас!" – возразил я.

Соран покачал головой.

"Никогда – слишком сильное слово. Ты не знаешь, что будет с тобой через век. Или сто тысяч веков."

"А ты, выходит, знаешь?" – спросил я гневно. Ответ орла меня поразил:

"Конечно, знаю," – спокойно отозвался Соран. – "Я буду мертв."

Он набирал скорость, мощные крылья со свистом резали воздух.

"Вот почему смертные могут рассуждать о вечности. Ведь вечность для нас вовсе не бесконечна," – орленок покосился на меня. – "Я буду помнить вас до смерти, а затем передам свою память потомкам. Такому обещанию легче поверить..."

Он еще сильнее ударил крыльями и издал воинственный клекот:

"И пусть мы лишь пыль на обочинах Времени, зато нас – и только нас – ветер несет в будущее!"

Я мчался на запад, в страну умирающего Солнца. И думал о будущем, куда сам отказался лететь.

"Меня еще не поздно изменить," – шепнула судьба.

"Неужели?" – спросил я горько.